

НЕПРЕВЗОЙДЕННОЕ СОВЕРШЕНСТВО

Тринадцатого дня восьмого лунного месяца мне исполнилось пятнадцать лет и настало время церемонии цзили, которую проводила старшая принцесса Цзиньминь в присутствии почетной гостьи — императрицы.

На церемонии также присутствовали приближенные императрицы из числа чиновных жен. Приглашения получили все женщины именитых родов столицы. За стенами храма предков выстроились в ряд роскошные повозки, запряженные великолепными скакунами. Собравшиеся в храме гости утопали в пряных ароматах духов и витиеватой дымке благовоний.

В час цзиши¹ наступила тишина. Из-за стен раздался протяжный голос церемониймейстера, он объявил:

— Шанъян-цзюньчжу² проходит церемонию цзили!

Я медленно ступала по длинному парчовому ковру, в последний раз одетая в пестрые детские одежды. Волосы мои были собраны в прическу шуанхуань³. Позади, замедлив шаги, шли евнух и придворная дама. Издалека я увидела, как поднялась по ступеням западной лестницы жена наследника престола в парадном облачении.

Бросив на императрицу взгляд, я преклонила колени перед нефритовым помостом и отдала смиренный земной поклон. Затем поднялась, повернулась лицом к югу и низко поклонил-

¹ Час цзиши — особо благоприятное время или счастливый час.

² Цзюньчжу — титул принцессы или великой княжны. Шанъян — девичий титул.

³ Прическа молодых девушек, два пучка в форме колец.

лась гостям, после чего отошла назад, чинно опустилась на колени и выпрямилась.

Украдкой я взглянула на прекрасную строгую красавицу — жену наследного принца, — и уголки моих губ тронула едва заметная улыбка.

Ее красивый глубокий взгляд был спокойнее самой воды. Она являла собой пример сдержанности и строгости, женщины, которая не упустит из виду ни единой мелочи. Она собственноручно распустила мою прическу шуанхуань, взяла с блюда нефритовый гребень и тщательно расчесала мои волосы. Закончив, жена наследника престола отошла от меня, и по нефритовым ступеням спустились императрица и старшая принцесса.

Я стояла, затаив дыхание и не поднимая взгляда, и увидела перед собой пару туфель с изображением феникса и подол оранжевого одеяния, украшенный вышитым золотой нитью изображением феникса-луань.

Императрица встала передо мной и торжественно произнесла:

— В счастливый месяц и счастливый день да начнется твоя новая жизнь. Оставь юношеское честолюбие, будь покорна и добродетельна.

Опустившись на циновку, она взяла из рук старшей принцессы нефритовый гребень, провела ладонью по моим длинным волосам, зачесала их в высокий пучок и воткнула в него золотую шпильку с ажурным узором из цветов пиона. Я медленно подняла голову и встретилась взглядом с добрейшей женщиной, императрицей, моей родной тетей по отцу, с нежной, как отражение ласкового весеннего солнца, улыбкой в ее взгляде.

Цзиньминь, старшая принцесса и моя матушка, стояла рядом с ней. На ее лбу переливалась подвеска в виде феникса, а в глазах блестели слезы. Когда прическа была завершена,

меня переодели в белое платье с длинными рукавами. Благоговейно преклонив колени, я снова отдала земной поклон родителям, еще одним поклоном поблагодарила гостей и, выпрямившись, села лицом к востоку.

Тетя вновь спустилась по нефритовым ступеням и взяла из рук матушки долгожданную заколку для волос в форме лотоса, украшенную нитями из бус, и вручила ее мне, произнеся подобающие церемонии пожелания. Затем на мои плечи опустился халат цюйцзюй-шэньи¹, и я снова поклонилась.

Я принимала торжественные позы, боясь лишний раз пошелохнуться с того момента, как в моих волосах оказалась драгоценная шпилька с фениксом. В праздничном одеянии с длинными широкими рукавами я в очередной раз поклонилась.

К моему многослойному и сложному наряду все добавлялись и добавлялись одежды, над моей головой мерцала шпилька и покачивались нити из драгоценных бусин. Позади меня растянулась по полу длинная широкая юбка. Шелковые одеяния, что я привыкла носить, уже не казались такими легкими и воздушными, как раньше. Каждое движение теперь давалось с трудом, словно на мои плечи опустились тяжелые незримые руки. Но я продолжала сидеть прямо и торжественно, со всей серьезностью глядя перед собой.

Еще три поклона — и церемония цзили завершена.

На тронах сидели старейшины, а из-за их спин на меня с высоты взирали портреты предков из рода Ван. Их взгляды хранили в себе всю славу и величие рода, все благородство их фамилии. Сотни лет горестей и радостей, таившихся в их безмолвных взорах, словно высвободились и окутали меня.

Церемониймейстер декламировал нараспев так громко, чтобы каждая женщина в храме услышала его слова:

¹ Особенность этого длинного халата в загнутых краях и изогнутом шлейфе в виде ласточкиного хвоста.

— Ухаживайте за родителями, будьте почтительны, добры и милосердны. Нежны, порядочны и скромны. Не будьте самоуверенны и высокомерны, не льстите и не обманывайте. Так говорили наши предки, берегите и соблюдайте их завет.

Отзвук голоса церемониймейстера постепенно затих в стенах храма предков, но эхо его до сих пор звучало в сердце.

— Несмышленная дочь благодарит за милость...

Затаив дыхание и подняв сложенные ладони ко лбу, я смиренно склонила голову и отдала глубокий земной поклон. Я бесконечно благодарила предков за их милость, императрицу за шпильку, благодарила родителей и брата. Когда объявили об окончании церемонии, я медленно встала и обернулась. Я стояла в центре великолепного, освещенного солнечным светом зала. Вокруг меня царила торжественная атмосфера.

Нефритовая плитка под ногами смутно отражала мою новую высокую прическу, тяжелые одежды с длинными широкими рукавами. Будто сквозь сон, на меня из отражения смотрела незнакомка.

Меня по очереди поздравили императрица, старшая принцесса и жена наследника престола. Потом меня поздравили отец и старший брат. Только после — гости. Каждого я благодарила за теплые слова, снова и снова склоняла голову, снова и снова поднимала ее, заглядывая в глаза каждому. Одна-единственная среди всех в потоке искрящегося света.

Когда мои волосы распустили, а меня облачили в новую одежду, я сама стала светом. Впервые в жизни родители и брат стояли позади меня, передо мной не было никого, ничьи руки не оберегали меня от огромного мира. Все теперь были так далеко от меня. А бесконечные нефритовые ступени вели меня в неизвестность, в новую жизнь. С этого момента мое юношество безвозвратно ушло.

На следующий день, еще до рассвета, меня разбудила Сюй-гугу¹. Я поспешила одеться, напудриться и причесаться. Сегодня я впервые исполняю долг взрослой женщины — я должна отдать родителям поклон и справиться об их здоровье.

Когда я оделась, тетя набросила мне на плечи воздушную молочно-зеленую накидку, улыбнулась, отошла в сторону и попросила развернуться и посмотреть в зеркало.

В зеркале отражалась девушка с собранными в пучок волосами, который был украшен шпильками с жемчужными подвесками. В шелковой полупрозрачной нижней рубаше, белой юбке, подвязанной узким, украшенным яшмой пояском... Я улыбнулась и покрутилась перед зеркалом. Пояс взлетел в воздух, и я уловила слабый аромат.

— Что это за аромат?

Я подняла руку и принялась к рукаву. Запах был не такой, как раньше.

— Цзюньчжу, взгляните на ноги, — улыбнулась Сюй-гугу.

Если присмотреться, на носках с вышитыми цветами можно было различить порошок благовоний, а на подошве пудру из лепестков роз — она рассеивалась в воздухе при ходьбе, оставляя на полу едва заметные следы.

— Какая замечательная идея!

Я была вне себя от радости. Приподняв подол юбки, я увидела на полу слабый розовый след — в пыли словно распустился цветок. И эти цветы проворно распускались за мной, пока я шла по коридору. Сюй-гугу и служанки поспешили за мной.

— Цзюньчжу, пожалуйста, помедленнее!

Я сделала вид, что не слышала их, и поспешила дальше.

¹ Гугу — сестра отца.

После дождя, прошедшего минувшей ночью, в первых проблесках зари покачивались на слабом ветру ветви растущего у веранды османтуса, роняя мелкие ароматные лепестки.

Свернув в восточный коридор, я столкнулась лицом к лицу со своим старшим братом — он был в простой одежде с широкими рукавами, в руках сложенная мухогонка с рукоятью из рога носорога.

Он остановился и оглядел меня, вскинув длинные, взлет брови.

— Это у кого такая красивая дочь? У нас в доме есть одна дикарка, но она не так красива.

Я задрала подбородок и постаралась его передразнить, также высоко вскинув брови.

— Как тут оказался столь легкомысленный молодой человек? Ну и хвастун!

— Ай-ай! — Он прищелкнул языком. — Ты так мило улыбаешься, когда злишься, и глаза у тебя красивые.

Притворно прищурившись, отчего в его иссиня-черных глазах затерялась насмешка, он, растягивая звуки, решил подшутить:

— Любимая дочь Ци-хоу¹, ныне жена нашего Вэй-хоу, брат твой в стенах Восточного дворца^{2,3} ...

Я схватила его мухогонку и замахнулась — лишь бы он прекратил нести эти глупости! Брат увернулся, рассмеялся, а затем с прежней насмешкой в голосе продолжил:

¹ Хоу — наследственный титул аристократии, эквивалентен европейскому «маркиз». Ци — титульное имя, в данном случае обозначающее княжество. Ци-хоу буквально можно перевести как «маркиз княжества Ци».

² Дворец наследника престола.

³ Строчка из песни «Красавица» («Шожэнь») из «Книги песен» («Шицзин»). В песне повествуется о талантливой красавице Чжуан Цзян, жившей в III веке до н. э.

— Вэй-хоу, Вэй-хоу, где же Вэй-хоу нашей маленькой А-У⁴?
Я прикусила губу, уши и щеки полыхнули от нахлынувшего жара.

— Нет никакого Вэй-хоу! — Я обошла цветущие деревья и бросила ему мухогонку. — Да и ты не из Восточного дворца! Прекрати глупости говорить!

— Может, и нет, но и я недалеко от правды ушел. Разве ты не мэй⁵ из Восточного дворца? А если Цзыданы...

Стоило брату произнести это имя, как я тут же перебила его:

— Услышит тебя отец — точно по губам получишь! Забыл, какая участь ждала мэй?!

Брат застыл: он вспомнил, что красавице Чжуан Цзян, воспетой в стихах, не повезло с судьбой. Поспешно прикрыв рот рукой, он затараторил:

— Виноват, виноват!

Этот негодник очень уж хотел заслужить прощения. Он заулыбался, осторожно приблизился и сказал:

— Вчера твой старший брат составил гороскоп. Согласно полученной триграмме, в судьбе моей А-У разыграло созвездие птицы Хунлуань⁶, а это значит, что моя А-У скоро встретит порядочного мужа.

Я потянулась к его ребрам — мой любимый старший брат до смерти боялся щекотки, — а он торопливо отшатнулся в сторону и во весь голос принялся возмущаться моим поведением. Служанки уже привыкли к нашему баловству — стояли в сторонке, прикрывая рты руками и тихонько смеясь.

⁴ «А» — уменьшительно-ласкательный префикс, который ставится перед именами. Буквально «А-У» можно перевести как «очаровашка».

⁵ Мэй — сестра.

⁶ Хунлуань — это жар-птица, счастливая звезда, знаменующая удачный брак.

Сюй-гугу, не зная, смеяться ей или плакать, поспешно заставила меня замолчать:

— Цзюньчжу, прекращайте себя так вести! Канцлер скоро вернется домой.

Брат, воспользовавшись случаем, как ни в чем не бывало удался, но его смех еще долго звенел среди опавших лепестков.

Махнув рукавом, я обратилась к Сюй-гугу:

— И так каждый раз! Я же сестра своего брата! Ты жестока!

Она рассмеялась, прикрыв рот рукой, и выглядела при этом совершенно прекрасно. Затем тихо проговорила:

— После церемонии цзили должно покинуть дом и выйти замуж. Неудивительно, что в твоей судьбе вызрало созвездие птицы Хунлуань...

Служанки тихо захихикали. Только моя любимая Цзинь-эр¹, с которой я росла, никогда надо мной не смеялась. Я была настолько возмущена, что дар речи потеряла. Топнув ногой, я воскликнула:

— Цзинь-эр, идем! Не слушай их!

Затем резко обернулась, стараясь скрыть тронутые жаром щеки, и под всеобщий беспрерывный хохот быстрым шагом направилась к дому матушки.

— Цзюньчжу, осторожнее.

Цзинь-эр догнала меня и, поддерживая под руку, помогла подняться по ступеням.

До сих пор смущенная, я отмахнулась от нее и огляделась по сторонам. Прохладный ветер из коридора обдувал лицо. В воздухе медленно кружили ароматные желтые лепестки османтуса.

¹ «Эр» — уменьшительно-ласкательный постфикс.